

Л.А. Капитанова

«Ионыч»

О неожиданной и вместе с тем вполне закономерной судьбе человека рассказал Чехов в своем «Ионыче».

В губернский город С. приезжает молодой земский врач, которому, «как интеллигентному человеку, по неписанным правилам здешнего общества, предстояло знакомство с «самыми талантливыми людьми во всем городе» — семейством Туркиных. Читатель мог заранее предположить, что из этого всего могло получиться, если учесть тот немаловажный факт, что у хозяев дома была дочь, семнадцати лет, — утонченное, восторженное, «необыкновенно милое, трогательное своей простотой и наивной грацией» существо. И действительно, Дмитрий Ионыч влюбился в Екатерину Ивановну и намеревался просить ее руки. Человек он обстоятельный, трудолюбивый, знающий свое дело. Он мог говорить о литературе и об искусстве, его раздражали обыватели и интересовали политика, наука и будущее человечества.

Словом, перед нами предстал достойный молодой человек, имеющий все основания быть осчастливленным девичьей любовью. Однако уже с самого начала знакомства с героем что-то, не вполне подвластное точному определению, тревожит и настораживает в нем.

То, что Старцев, наверняка, смог составить правильное впечатление о доме Туркиных, сомневаться не приходится. Для героя, возвращающегося пешком к себе в Дялиж и всю дорогу напевающего проникновенные романсовые строки («Твой голос для меня, и ласковый, и томный...»), не могла остаться незамеченной пошлость, царящая в интеллектуальном семействе. Но вместе с тем не в этом ли благодушном согласии героя Чехова с туркинскими талантами следует искать истоки его будущего непротivления обывательскому миру города С.?

Ведь что бы ни происходило вокруг него, о чем бы ни велись разговоры, Старцев только закусывал и играл в винт, а когда заставал в каком-нибудь доме семейный праздник и его приглашали откусать, то он садился и ел молча, глядя в тарелку, «и все, что в это время говорили, было неинтересно, несправедливо, глупо, он чувствовал раздражение, волновался, но молчал...»

Он растворился в нравах города, и потому стал здесь за своего. Его и величают-то по-свойски — Ионычем («Куда это Ионыч едет?» или «Не пригласить ли на консилиум Ионыча?»), как хорошо знакомого и даже родного человека. Обывательский «футляр» пришелся ему впору. Невозмутимое провинциальное существование, вздорное обильным ужином, игрой в винт и ежедневным усердным подсчитыванием добытых врачебной практикой желтых и зеленых бумажек, засосало Старцева.

Таким образом, в превращении молодого земского врача Старцева в раздобрившего, страдающего одышкой, «спешно принимающего больных» Ионыча, нет ничего неожиданного и тем более случайного. Его, действительно, еще какое-то время раздражали обыватели «своими разговорами» и «взглядами на жизнь», но само существование героя лишено жизнеутверждающей идеи, без которой и любовь, и труд, и вообще все виды деятельности лишаются, как и у Никитина («Учитель словесности»), и у Гурова («Дама с собачкой»), своего человеческого смысла. Поэтому история Ионыча, по существу, совершившаяся. Она может продолжаться еще десяток лет, но «это все, что можно сказать про него».

Ионыч ничего не помнит из того времени, когда он был влюблен и жизнь его имела смысл, разве только то, что дочка Туркиных «играет на фортепьянах». Герой Чехова не называет некогда любимую девушку даже по имени. Именно этим фактом писатель

завершает нравственный портрет Ионыча и подводит черту под своим рассказом. Еще одна «футлярная жизнь» состоялась.